

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-599-607
УДК 82.091

«Честное бегство» современного героя: проблема эскапизма в подростковой литературе XXI века

Елена Викторовна БОРОДА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7790-699X>, e-mail: lenavladim@rambler.ru

“An honest escape” of a modern character: escapism problem in young adult fiction in the 21st century

Elena V. BORODA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7790-699X>, e-mail: lenavladim@rambler.ru

Аннотация. Проанализирована проблема эскапизма, кратко рассматривается её история и эволюция, отношение к проблеме в разные периоды истории. Анализ данной проблемы – основная цель данной работы. Предметом исследования являются тексты авторов, пишущих для детей и подростков, созданные за последнее десятилетие. На примере подростковой литературы последних лет наблюдается развитие эскапистского мотива, изменение отношения к нему и возможные причины подобной трансформации. Актуальность исследования состоит в том, что анализируются современные тексты, ещё не исследованные современным литературоведением, а проблема эскапизма рассматривается в соответствии с культурными и социальными тенденциями сегодняшнего времени. В процессе работы применялся комплексный метод исследования. Результатом изучения проблемы эскапизма можно назвать обзор современной подростковой литературы, в котором присутствует мотив бегства от реальности, а также некоторые наблюдения и выводы, которые могут быть полезны при изучении культурных и социальных проблем сегодняшнего времени. Сделан вывод о том, что эскапизм в современной подростковой литературе – это полноценный мотив и средство взаимодействия с реальностью. Область применения результатов исследования – изучение современных текстов литературы филологами, литературными критиками, преподавателями литературы, а также студентами и школьниками, заинтересованными в расширении и углублении литературных знаний.

Ключевые слова: эскапизм; современная литература; подростковая литература; мотив; преодоление; взаимодействие

Для цитирования: *Борода Е.В.* «Честное бегство» современного героя: проблема эскапизма в подростковой литературе XXI века // *Неофилология*. 2020. Т. 6, № 23. С. 599-607. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-599-607

Abstract. We analyze the problem of escapism, briefly discuss its history and evolution, its attitude to the problem in different periods of history. Analysis of this problem is the main goal of this work. The subject of this research is the texts of authors writing for children and teenagers, created over the past decade. On the example of young adult fiction in recent years, the development of an escapist motive, a change in attitude towards it and possible causes of such a transformation are observed. The relevance of the study is that modern texts that have not yet been studied by modern literary studies are analyzed, and the problem of escapism is considered in accordance with the cultural and social trends of today. In the process, we use an integrated research method. The result of studying the problem of escapism can be called a review of modern young adult fiction, in which there is a motive for fleeing reality, as well as some observations and conclusions that may

be useful in studying the cultural and social problems of today. We conclude that escapism in modern young adult fiction is a full-fledged motive and means of interacting with reality. The scope of the research results is the study of modern literary texts by philologists, literary critics, literature teachers, as well as students and schoolchildren who are interested in expanding and deepening literary knowledge.

Keywords: escapism; modern literature; young adult fiction; motive; overcoming; interaction

For citation: Boroda E.V. «Chestnoye begstvo» sovremennogo geroya: problema eskapizma v podrostko-voy literature XXI veka [“An honest escape” of a modern character: escapism problem in young adult fiction in the 21st century]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 599-607. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-599-607 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Прежде чем детально рассматривать тему эскапизма в современной литературе для подростков, следует, во-первых, определиться с терминологией, во-вторых, обосновать актуальность данной темы.

Дословно «эскапизм» – это «бегство» (от английского “escape”). Термин трактуется с различной содержательной амплитудой. В общем смысле это любое расширение реальности с целью разнообразить жизнь (чтение книг, воображение, просмотр фильмов, путешествия, любого рода увлечения, даже религия). В узком смысле это сознательный уход от реальности.

На самом деле разность отношений, да и сам термин (термин, а не явление!) проявились только в 1930-е гг. Один из первых употребил его английский поэт и эссеист А.К. Бенсон, и сразу в негативном ключе. Уход от мира воспринимался как слабость, бегство от проблем.

Общеизвестна позиция Д.Р.Р. Толкина: «Почему следует презирать человека, который, попав в темницу, пытается во что бы то ни стало из неё выбраться, а если ему это не удастся, говорит и думает не о надзирателях и тюремных решётках, а о чём-то ином? Внешний мир не стал менее реальным оттого, что заключённый его не видит».

В какой-то мере этому подходу противостоит позиция Б.Н. Стругацкого, которая вкратце сводится к тому, что уход от реальности в конечном итоге должен служить подготовкой к существованию в этой самой реальности.

Применяя бритву Оккама и исключив широкую трактовку данного явления, мы будем рассматривать понятие эскапизма, во-первых, применительно к отдельной личности, а не как культурное и социальное явление; и, во-вторых, в конкретном понимании –

как мотивированное бегство от реальности, когда человек не желает или не может решать проблемы и адаптироваться к существующим условиям.

Если говорить об актуальности, то для меня разговор об эскапизме находится в той же плоскости, что и нынешнее отношение к «проблемной» литературе со стороны тревожных родителей, да и ряда культурных персон.

В начале XX века известный писатель Е. Замятин высказывал опасения по поводу негласной цензуры, предписывающей художнику быть благоразумным и правоверным, не смущать «еретическим словом демос российский», оберегать его невинность, не заострять внимания на неудобных моментах, не критиковать и не судить строго. Ещё тогда, в 1921 г., Е. Замятин говорил: «Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова. А если неизлечима эта болезнь – я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: её прошлое» [1, с. 38]. Пожалуй, сейчас мы наблюдаем очередной виток этого самого «католицизма». Стремление оградить ребёнка, подростка от «неудобных» тем – тоже сродни эскапизму, потому что в основе, как правило, лежит нежелание или неумение их обсуждать.

Следует отметить также, что в целом изменилась позиция Автора в детской литературе. Это проявляется на разных уровнях текста: присутствии Автора, его интонации, функции и роли. Коротко говоря, если в XX веке Автор выполнял роль наставника, педагога, «мудрого взрослого», то сейчас более востребованной видится его роль как психолога. На первом месте – сопереживание. В

идеальном варианте сопереживание, понимание, приятие дополняют уже имеющиеся и работающие авторские функции – вести по жизни, умело направляя, делаясь знаниями и прививая навыки. Но по большому счёту можно обойтись и без наработанного. В приоритете – умение понять и залечить раны.

Поэтому уход от мира воспринимается в современной подростковой литературе как полноценный метод работы с травмой. Никакая это не трусость и никакое не малодушие. Если нет других способов решить проблему, то построение альтернативной реальности и предпочтение её реальности настоящей – это выход.

Пожалуй, наиболее остро о безвыходности ситуации и последующем бегстве в параллельный мир говорит Эдуард Веркин. Косвенно эта мысль звучит в некоторых реалистических его текстах. Если нужны примеры, то это «ЧЯП» [2], «Друг-Апрель» [3], в которых герои никуда не убегают, но как бы живут в своём мире, объективные события трактуют по-своему, зачастую совершенно немислимо, так что появляется совсем другая история, сродни мифу. В «Мертвце» тоже появляется альтернативная реальность и местная мифология, потому что настоящая жизнь скучна и однообразна, в ней нет пространства для роста [4].

Откровеннее всего тема бегства звучит в цикле Веркина «Хроника Страны Мечты» (2006–2013). В первой книге цикла «Место снов» рассказывается о том, как появилась Страна Мечты, как в неё попадают и кто здесь приживается [5]. Получается, что это место, построенное по законам субъективных и многочисленных фантазий. Здесь возможно всё, но конкуренция демиургов приводит к тому, что этот мир эклектичен, лишён гармонии и вообще-то опасен. Ничуть не менее, а может, и более, чем настоящий мир.

Автор, с одной стороны, целенаправленно эксплуатирует многочисленные штампы и стереотипы, популярные в мире подростков. Здесь и киберпсы, и роботы, и секретное оружие, и тайная исследовательская база. Всё это благополучно соседствует с реалиями мира фэнтези: гномами, троллями, драконами, рыцарями. С другой стороны, автор разрушает другой штамп: представление о

мире мечты как о гармоничном и завершённом. Главный герой «Места Снов» Зимин обескуражен не меньше читателей, обнаружив по ту сторону реальности унылый пейзаж и не слишком приветливых аборигенов. И счастливый финал здесь совсем не предусмотрен, игрока могут ранить, захватить в плен, продать в рабство и натурально убить!

Для Веркина важнее не облик Страны, а причина, обуславливающая её существование. Ведь в Стране оказываются те, кто не нашёл своего места в мире реальном. Плохо то, что отверженные забирают с собой самое худшее: агрессию, злобу, желание побеждать любой ценой. Сквозной персонаж «Хроники...» Пашка-Перец говорит о том, что зато здесь всё по-честному, все на равных. Он сам здесь оказался в результате бесчеловечных экспериментов, обнаружив сверхспособности и преодолев физические законы реального мира, когда его оставили один на один с анакондами в лабиринте, из которого НЕТ ВЫХОДА! И он просто пробил материальную оболочку и проник на необжитое пространство иного мира.

Когда дети оказываются заложниками взрослого цинизма или лицемерия, им зачастую не остаётся ничего другого, как отчаянным усилием разорвать реальность и, нарушая все законы мироздания, прорваться в заповедье. Это бегство не от слабости, а от безысходности.

Вот почему это «честное» бегство. И вот почему истоки его лежат в конфликте поколений. Вечную проблему «отцов и детей» Веркин решает радикально и больно. Взрослые у него не заслуживают доверия. Они сами – незрелые личности. Для сравнения можно вспомнить родителей Игоря и Аглаи из повести «Герда» [6]. Или родителей Никиты из повести «Мертвец». Или сына и внука деда Дмитрия («Облачный полк»), которые вечно грызутся друг с другом [7]. С какой готовностью они отказываются от собственной ответственности, перекадывая сверхзадачу на ребёнка, который в свои 13–14–15 лет просто не созрел для некоторых решений.

Не так радикально, но в целом похоже, в рамках данной проблемы отношения детей и родителей, высказываются другие авторы. Например, Юлия Симбирская. В книге «Мольер, Моцарт и Пикассо из лисьей норы»

[8] появляется героиня, девятилетняя Марго, которая чувствует себя очень одинокой. Мама занята диссертацией, папа много работает, они живут уединённо, поэтому у неё нет друзей. И она находит друзей в лесу. Это лисья семья, у неё свои традиции, свои представления о мире, своя культура, уклад жизни, быт и система отношений. Жанр сказочной повести делает историю достоверной. Мы тоже живём жизнью лисиц и собаки (собака – это уже во второй части книги), сочувствуем им. Но это не отрицает мотивов ребёнка, который ищет полноту жизни там, где слабеют законы взрослой, регламентированной жизни.

В другой книге, «Заяц на взлётной полосе» [9], Юлия Симбирская заговаривает о такой важной и болезненной проблеме, как абьюз. Проблема вроде бы совсем взрослая. И книга, скорее всего, полнее и острее будет восприниматься взрослыми, более того – имеющими подобный опыт читательницами. Но маленькая героиня повести Мия становится невольной свидетельницей нездоровых отношений между родителями. Она любит папу и любит маму. Её сознание, в силу возраста лишённое объективности и критического зерна, не может объяснить поведения папы. И она придумывает злую сущность, вселившуюся в тело отца, называет его Граком и пытается помочь папе избавиться от этого внутреннего врага. Отчасти ребёнок прав: поведение абьюзера базируется на детских травмах. Они формируют злобный фантом, который живёт внутри нормального, казалось бы, человека и при малейшей провокации выходит на свободу. Девочка персонафицирует переживания насильника и даёт им своё объяснение, соответствующее возрасту и представлению о мире.

Не менее болезненна тема смерти, потери близкого человека. Эту тему разрабатывает Дарья Доцук в книге «Домик над обрывом» [10]. В мире её героини живёт Великанша, сказочный Мальчик, растёт Мёртвое дерево. А сама она должна выполнять сверхзадачи, как в настоящих сказках. Автор убедительно и тонко рисует мир, созданный детским воображением, так что за ним проступают тени реального мира, смутные и тревожные. И когда в финале маленькая героиня называет по имени одну из таких те-

ней, произносит вслух слова о смерти отца, происходит удивительная вещь. Мы понимаем, что создание сказочной реальности – это, конечно, защита. Но в то же время это попытка проговорить проблему, пусть и индифферентно, объяснить реальность, а не бежать от неё, как иные взрослые. Ребёнок возвращает здравый взгляд на вещи: можно бояться великанов и ведьм, которые являются собой воплощённое зло, но не стоит закрываться от мира, прятаться от очевидного. В этом смысле девочка оказывается куда более отважной и взрослой, чем мама.

Следующий пример – повесть Евгении Овчинниковой «Иди и возвращайся» [11]. Героиня повести Нина потеряла маму. Мама в один прекрасный день просто исчезла из семьи, и никто не знает, где она и что с ней. Нина наделена воображением художника. Она видит мир не так, как другие. Люди перед её мысленным взором превращаются в фантастических тварей со щупальцами и хоботами. И это не случайный всплеск воображения, не врождённая болезненная фантазия. Героиня пытается таким образом выразить протест против сложившейся ситуации. Ей трудно переживания высказать словами, и образы чудовищ и химер, которыми наполнен её личный мир, помогают сделать это.

Ведь с виду всё в жизни Нины благополучно. Она учится в школе, увлечённо занимается живописью, общается с друзьями, смотрит фильмы, она не лишена наблюдательности и юмора. Но исчезновение матери порождает тоскливую пустоту внутри. Ощущение потери заставляет девочку-подростка чувствовать себя в вечном поиске. Она вглядывается в лица прохожих, проходит места, связанные с мамой, вспоминает моменты из прошлого. И прячет в глубине души самый главный вопрос. ПОЧЕМУ? Она боится не только ответа на него, но и самого вопроса. Самое страшное для неё – узнать, что мама их бросила. Что с ней всё благополучно, но она просто разлюбила их – папу и Нину. Потому ей легче представить, что враждебный мир и тёмные силы разлучили их.

В перечисленных сюжетах мы имеем дело с процессом возникновения мифа: когда человек пытается объяснить непонятные явления в соответствии с жизненным опытом и накопленными переживаниями. Отчасти так

проявляется потребность в защите, когда человек не может принять реальность, потому что она оказывается слишком беспощадной.

Совсем беспощадной жизнь представляется в романе Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина» [12]. Самопогружение героини – школьницы Кати тоже является защитой от мира, в котором она не находит ни помощи, ни теплоты, ни поддержки. В школе над ней смеются и считают бесперспективной, родители выступают в роли судей, да они и друг с другом постоянно ссорятся.

И вот в жизни Кати появляется странное существо, которое помогает девочке решить все её проблемы. И не только её, кстати. Особенность данного сюжета в том, что вымышленная реальность – не сознательно вымышленная, она переплетается, смешивается с настоящим миром до такой степени, что может влиять на события. Да это, в общем, и не вымышленный мир, это мифологическое сознание прорисовывается сквозь радио. Когда разум и логика не работают, эффективным становится другое оружие, другой способ взаимодействия с реальностью.

Однако создание вымышленного мира возможно и от полноты сознания, от богатства воображения, свойственного мироощущению ребёнка. Но и в таком случае переход границы от реального к воображаемому обусловлен неудовлетворённостью пребывания в настоящем мире, оттого, что настоящее кажется скучным, заурядным, обыкновённым.

Подобные ситуации характерны некоторым образом для героев Нины Дашевской. В повести «Вилли», например, мы имеем дело с реальностью, расцвеченной воображением главного героя Севы. Он обладает способностью из всего многообразия мира выбирать необычные детали и из них, как из мозаики, по-своему комбинируя фрагменты, выстраивать свою причудливую реальность. У него внутри свой собственный камертон. «– Знаешь, Севка, а давай поедem с тобой к морю, – сказала мама. То есть на самом деле она сказала: – Ешь аккуратно, не кроши.

Но мне неинтересно слушать такие скучные вещи. Поэтому я часто слышу совсем не то, что мне говорят» [13, с. 3].

Таков же Лёва, одарённый математик из повести «День числа Пи» [14]. Если просто необычный мальчик, то у Лёвы расстройство

аутического спектра. Он пребывает на своей волне. Столкновение с миром на обычных частотах бывает для него достаточно болезненным. Думается, у Нины Дашевской тема эскапизма возникает там, где звучит вопрос о норме и необычности. Пребывание героя в собственной системе измерений развивает мысль о праве на существование индивидуальности в социуме, мысль о терпимости и понимании.

Продолжая тему «особенных» детей, надо сказать, что в современной литературе существует целый ряд текстов, посвящённых детям с ограниченными возможностями. Это не только дети с необычным психологическим складом, отходом от нормы, но и герои, которые вынуждены бороться с болезнью. К таким текстам относятся «Выдуманный Жучок» Юлии Кузнецовой, «По Зашкафью кувыркoм» Анны Никольской, «Мама, это шноркели» Светланы Решениной [15–17].

Герои (точнее, героини) этих книг не хотят – и это естественно! – жить в мире, который наполнен процедурами, осмотрами, мониторингом состояния и разговорами о болезни. Поэтому они открывают для себя мир, наполненный фантастическими существами. У мира своя история, свои страсти и конфликты, которые, разумеется, являются отражением подлинных конфликтов и насущных проблем. Для девочек Таши, Лиды и Мани, героинь перечисленных книг, создание сказочного мира становится компенсацией вынужденного бездействия, закономерных, но оттого не менее мучительных ограничений. В этом случае эскапизм выполняет компенсаторную и терапевтическую функцию.

Похожая ситуация представлена в повести Николая Назаркина «Мандариновые острова» [18]. Герой Назаркина вынужден длительное время лечиться, он ограничен в движении. Его мир сконцентрирован вокруг больничного быта. И он расширяет его как может: рисует, играет, читает и перечитывает любимые книги. И придумывает острова, воображая себя первооткрывателем. Отличие ситуации от вышеперечисленных, сходных по теме книг заключается в том, что у мальчика его фантазии выглядят как реальные проекты. Они не оторваны от жизни. Они всего лишь ограничены временем и ситуацией, но, в принципе, могут быть реали-

зованы на практике. Мандариновых островов, конечно, не существует, но какая разница, где строить корабли, добывать полезные ископаемые и открывать новые земли?

Возможно, это гендерная обусловленность. Потому что есть ещё книги Евгения Рудашевского «Куда уходит кумуткан?», Дмитрия Ищенко «В поисках мальчишеского бога» и Артёма Ляховича «Черти лысые», и в них тоже уход от мира не тождествен уходу от реальности [19–21]. Хотя, заметим, мотивы бегства, в принципе, те же: неудовлетворённость жизнью, её узким пространством, отсутствие понимания или реальный конфликт. Мужчин привлекает экспансивный вариант «честного бегства»: открытие нового пространства, проба сил, инициация.

В повести Галы Узртовой «Страна Саша» [22] погружение в собственный мир становится препятствием для героев, чтобы найти путь друг к другу. На мой взгляд, автор отражает современную проблему неумения строить отношения по причине того, что это требует не только принятия, но и определённых усилий, нравственной закалки. Когда герои повести Саша и Женя начинают взаимодействовать, они сталкиваются с закономерными трудностями. Внутренний мир каждого из них в данном случае является территорией безопасности, куда можно спрятаться, сбежать от проблем.

Душа другого человека – терра инкогнита, непознанная земля. Когда двое решаются на союз, суверенность нарушается. Целостность границ сохранить не получится, потому что жизнь в союзе – это в любом случае жертва, компромисс, деление территории.

Герои осознают свои слабости. И слабость беглеца в том числе. Как только надвигаются серьёзные проблемы, или просто требуется принять решение, Саша окукливается, закрывается «в домике», откуда он в лучшем случае смотрит из окна, а Женя замыкается в молчании. Ритуализация их жизни, привязанность к предметам, игрушкам, одежде, упорство в заблуждениях, верность привычкам – из той же проблемной зоны, от нежелания расстаться с комфортным миром, нежелания взрослеть.

Но это бегство под одеяло, и оно всё больше приобретает рефлексивный характер, а то и характер ритуальной игры. Оба героя

осознают свою слабость, но не понимают, в чём она. У них вообще проблема с самоидентификацией, это наблюдается даже на уровне имён: оба имени гендерно универсальны. И убегают они не от проблем, а от самой необходимости их решения, необходимости взрослеть, которая повергает в настоящий стресс.

Отношение к бегству из реальности изменилось в XXI веке. Эскапизм уже некорректно рассматривать в отрицательном аспекте в том числе и потому, что жизнь в выдуманном мире технически достижима. То, что ранее рассматривалось как фантастика, стало реальностью. И если полвека назад целесообразно звучал вопрос: зачем бежать, если всё равно придётся возвращаться, то сейчас есть ответ – можно и не возвращаться. Мир «Матрицы» становится всё более близким и вероятным.

Виртуальная реальность давно рассматривается как альтернатива настоящему миру в фантастике, антиутопии, «взрослой» литературе. И она вплотную связана с проблемой эскапизма, так как в управляемом мире есть присутствие псевдомогущества. Погружение в соцсети – вариант бегства, доступный каждому. Он зачастую и не рассматривается как бегство, а считается полноценным вариантом социализации. Правда, со своими законами и правом приватности. Именно в таком ключе проблема разработана в повести Ларисы Романовской «Удалить эту запись?» [23], которая представляет собой имитацию блога. Для героини повести Веры блог – это полноценная часть жизни. Она даже не осознаёт виртуальность как территорию внутренней эмиграции. В Интернете живут все. Виртуальное пространство даёт ощущение собственной территории, обеспечивает уход из-под контроля – этим оно и ценно. Разумеется, от реальных проблем здесь защиты нет. Зато есть возможность отработать проблемы «на черновике».

В повести «Сиблинги» [24] того же автора на примере смоделированного мира выражена мысль об альтернативном развитии событий частной жизни. И, конечно, о переплетении судеб и единстве мира. Идея этой книги растёт из вечной неудовлетворённости свершившимся, тоски по несбывшемуся, сожаления об ущербном прошлом. Альтерна-

тивный сценарий каждого из героев, оказавшихся «в эксперименте», представляет то самое несбывшееся, в реализации которого человеку даётся вторая попытка. Здесь «честное» бегство разворачивается освоением параллельной территории. Как в игре, когда у тебя не одна, а несколько жизней.

Вот это «игровое» ощущение всё прочнее укореняется в сознании современного человека. Возможно, это проблема. Возможно, из-за этого исчезает ощущение экстремума в момент выбора, человек живёт в убеждении, что он может в любой момент всё переиграть, между тем как в реальности это не так.

Человечеству некуда расти, личности незачем эволюционировать: мироощущение кризисной полосы, в которой, однако, никто, за исключением единиц, не задумывается о кризисе, воплощается в новом романе Екатерине Мурашовой «Дом за радугой» [25]. Автор отображает нашу реальность, развившуюся в соответствии с темпами галопирующего прогресса: безболезненное существование, культивирование удовольствия, игровые зоны обучения, психологи-кураторы, дифференциация людей по психотипам с целью слаженной работы единого организма-социума. Мир здесь смоделирован и структурирован с учётом виртуального существования, которое имеет полноправный статус. Если это и бегство, то коллективное бегство всего человечества, массовая миграция. И в этом бегстве нет выбора, только движение – наверное, всё-таки вниз, потому что в нём нет преодоления и усилия.

Что сказать в заключение? Эскапизм в XXI веке приобретает характер симптома. Возможно, это как-то связано с очередным установлением границ. Сомнения и боязнь «сложных» тем, к примеру, провоцируют поиск пределов сложности в детской и подростковой литературе, и по этому поводу то и дело разгораются споры. Новая реальность порождает новый язык, а это, в свою очередь, влечёт разработку новых критериев. А художественный текст – это зона творчества, во многом сформированная интуитивно. Поэтому уход и тема ухода является своеобразной реакцией на систематизацию и попытки структурировать художественное творчество.

Потом, эскапизм перестал считаться признаком малодушия и слабости. Если бегство даже не от *неумения*, а от *нежелания* решать проблемы – эскапизм всё равно полноценный выход. Потому что для любого решения надо созреть. И пребывание в выдуманной реальности помогает это сделать. Это как тренажёр. Человек прокачивает навыки социализации в оптимальных условиях, а потом может опробовать их в реальности.

Кроме того, параллельный мир помогает отрефлексировать переживания. Он даёт на это время – то, чего часто не хватает в настоящем мире с его нарастающими темпами жизни. Чем стремительнее жизнь, тем сильнее потребность взять паузу. Всё это позволяет говорить об эскапизме как о полноценном, обусловленном и рабочем методе взаимодействия с реальностью.

Список литературы

1. *Замятин Е.И.* Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / сост. и коммент. А.Ю. Галушкина; подгот. текста А.Ю. Галушкиной, М.Ю. Любимовой; вступ. статья В.А. Келдыша. М.: Наследие, 1999.
2. *Веркин Э.Н.* ЧЯП. М.: Эксмо, 2016.
3. *Веркин Э.Н.* Друг-Апрель. М.: Игра слов, 2011.
4. *Веркин Э.Н.* Мертвец. М.: Изд. дом Мещерякова, 2013.
5. *Веркин Э.Н.* Место снов. М.: Эксмо, 2018.
6. *Веркин Э.Н.* Герда. М.: Эксмо, 2018.
7. *Веркин Э.Н.* Облачный полк. М.: КомпасГид, 2012.
8. *Симбирская Ю.С.* Мольер, Моцарт и Пикассо из лисьей норы. СПб.: БХВ-Петербург, 2017.
9. *Симбирская Ю.С.* Заяц на взлётной полосе. М.: Абрикобукс, 2019.
10. *Доцук Д.С.* Домик над обрывом. М.: КомпасГид, 2017.
11. *Овчинникова Е.* Иди и возвращайся. М.: КомпасГид, 2018.
12. *Некрасова Е.И.* Калечина-Малечина. М.: АСТ, 2018.
13. *Дашевская Н.С.* Вилли. М.: КомпасГид, 2020.
14. *Дашевская Н.С.* День числа Пи. М.: Самокат, 2019.

15. Кузнецова Ю.Н. Выдуманный Жучок. М.: Нарния, 2010.
16. Никольская А.О. По Зашкафью кувырком. Барнаул: Алтайский дом печати, 2012.
17. Решенина С. Мама, это шноркели. М.: Качели, 2018.
18. Назаркин Н.Н. Мандариновые острова. М.: КомпасГид, 2013.
19. Рудашевский Е.В. Куда уходит кумуткан. М.: КомпасГид, 2016.
20. Ищенко Д.В. В поисках мальчишеского бога. М.: КомпасГид, 2017.
21. Ляхович А.В. Черти лысые. М.: Самокат, 2019.
22. Узрютова Г. Страна Саша. М.: КомпасГид, 2018.
23. Романовская Л.А. Удалить эту запись? М.: Самокат, 2018.
24. Романовская Л.А. Сиблинги. М.: Самокат, 2019.
25. Мурашова Е. Дом за радугой. М.: Самокат, 2020.

References

1. Zamyatin E.I. *Ya boyus': Literaturnaya kritika. Publitsistika. Vospominaniya* [I'm Afraid. Literary Criticism. Publicism. Memories]. Moscow, Nasledie Publ., 1999. (In Russian).
2. Verkin E.N. *CHYAP* [NJP]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. (In Russian).
3. Verkin E.N. *Drug-Aprel'* [Friend-April]. Moscow, Igra slov Publ., 2011. (In Russian).
4. Verkin E.N. *Mertvets* [Dead Man]. Moscow, Meshcheryakova Publishing House, 2013. (In Russian).
5. Verkin E.N. *Mesto snov* [Place of Dreams]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. (In Russian).
6. Verkin E.N. *Gerda* [Gerda]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. (In Russian).
7. Verkin E.N. *Oblachnyy polk* [Cloud Regiment]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2012. (In Russian).
8. Simbirskaya Y.S. *Mol'yer, Motsart i Pikasso iz lis'yey nory* [Moliere, Mozart and Picasso from a Fox Hole]. St. Petersburg, BHV-Petersburg Publ., 2017. (In Russian).
9. Simbirskaya Y.S. *Zayats na vzletnoy polose* [Hare on the Runway]. Moscow, Apricotbooks Publ., 2019. (In Russian).
10. Dotsuk D.S. *Domik nad obryvom* [House over a Cliff]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2017. (In Russian).
11. Ovchinnikova E. *Idi i vozvrashchaysya* [Go and Come Back]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2018. (In Russian).
12. Nekrasova E.I. *Kalechina-Malechina* [Kalechina-Malechina]. Moscow, AST Publ., 2018. (In Russian).
13. Dashevskaya N.S. *Villi* [Willie]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2020. (In Russian).
14. Dashevskaya N.S. *Den' chisla Pi* [Pi Day]. Moscow, Samokat Publ., 2019. (In Russian).
15. Kuznetsova Y.N. *Vydumannyy Zhuchok* [Fictional Bug]. Moscow, Narnia Publ., 2010. (In Russian).
16. Nikolskaya A.O. *Po Zashkaf'yu kuyvrkom* [Behind the Closet Topsy-Turvy]. Barnaul, Altai Printing House, 2012. (In Russian).
17. Reshenina S. *Mama, eto shnorkeli* [Mom, This is Snorkel]. Moscow, Kachelly Publishing House, 2018. (In Russian).
18. Nazarkin N.N. *Mandarinovyye ostrova* [Tangerine Islands]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2013. (In Russian).
19. Rudashevskiy E.V. *Kuda ukhodit kumutkan* [Where the Kumutkan Goes]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2016. (In Russian).
20. Ishchenko D.V. *V poiskakh mal'chisheskogo boga* [In Search of a Boyish God]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2017. (In Russian).
21. Lyakhovich A.V. *Cherti lysyye* [Bald Devils]. Moscow, Samokat Publ., 2019. (In Russian).
22. Uzryutova G. *Strana Sasha* [Country Sasha]. Moscow, KompasGuide Publishing House, 2018. (In Russian).
23. Romanovskaya L.A. *Udalit' etu zapis'?* [Delete this Entry?]. Moscow, Samokat Publ., 2018. (In Russian).
24. Romanovskaya L.A. *Siblingi* [Siblings]. Moscow, Samokat Publ., 2019. (In Russian).
25. Murashova E. *Dom za radugoy* [House beyond the Rainbow]. Moscow, Samokat Publ., 2020. (In Russian).

Информация об авторе

Борода Елена Викторовна, доктор филологических наук, доцент кафедры профильной довузовской подготовки. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: lenavladim@rambler.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7790-699X>

Поступила в редакцию 04.05.2020 г.

Поступила после рецензирования 23.06.2020 г.

Принята к публикации 26.06.2020 г.

Information about the author

Elena V. Boroda, Doctor of Philology, Associate Professor of Pre-University Training Profile Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: lenavladim@rambler.ru

Contribution: main study conception, literature search and analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7790-699X>

Received 4 May 2020

Reviewed 23 June 2020

Accepted for press 26 June 2020